

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES

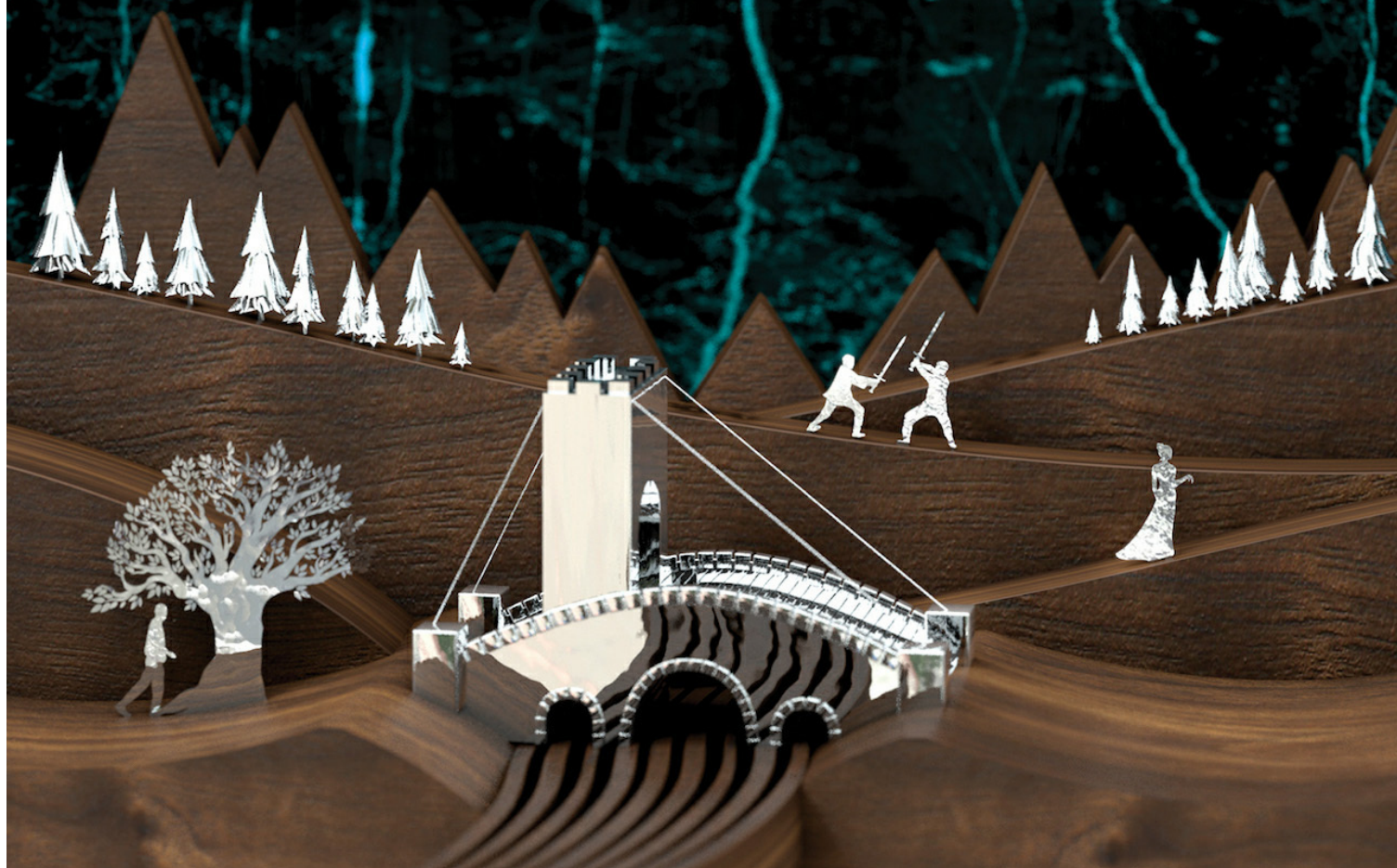
МЕГАН УЭЙЛИН ТЕРНЕР

СЕРИЯ «КОРОЛЕВСКИЙ ВОР»

КНИГА I

ВОР

Королевский вор

Меган Уэйлин Тернер

Вор

«Popcorn books»

1996

УДК 821.111
ББК 83.3(7Сое)

Тернер М.

Вор / М. Тернер — «Popcorn books», 1996 — (Королевский вор)

ISBN 978-5-6046290-9-3

Королевский ученый, волшебник, считает, что знает местонахождение древнего сокровища. Но чтобы добыть его, потребуется искусный вор, на роль которого волшебник выбирает Гена, заключенного в тюрьму. Ген может украсть все что угодно – по крайней мере, так он говорит. Вместе с солдатом и двумя учениками волшебника они отправляются на поиски сокровища, однако волшебник не знает, что у Гена совсем другие планы...

УДК 821.111
ББК 83.3(7Сое)

ISBN 978-5-6046290-9-3

© Тернер М., 1996
© Popcorn books, 1996

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	20
Глава четвертая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Меган Тернер Вор

Megan Whalen Turner
The Thief

Copyright © 1996, 2017 by Megan Whalen Turner

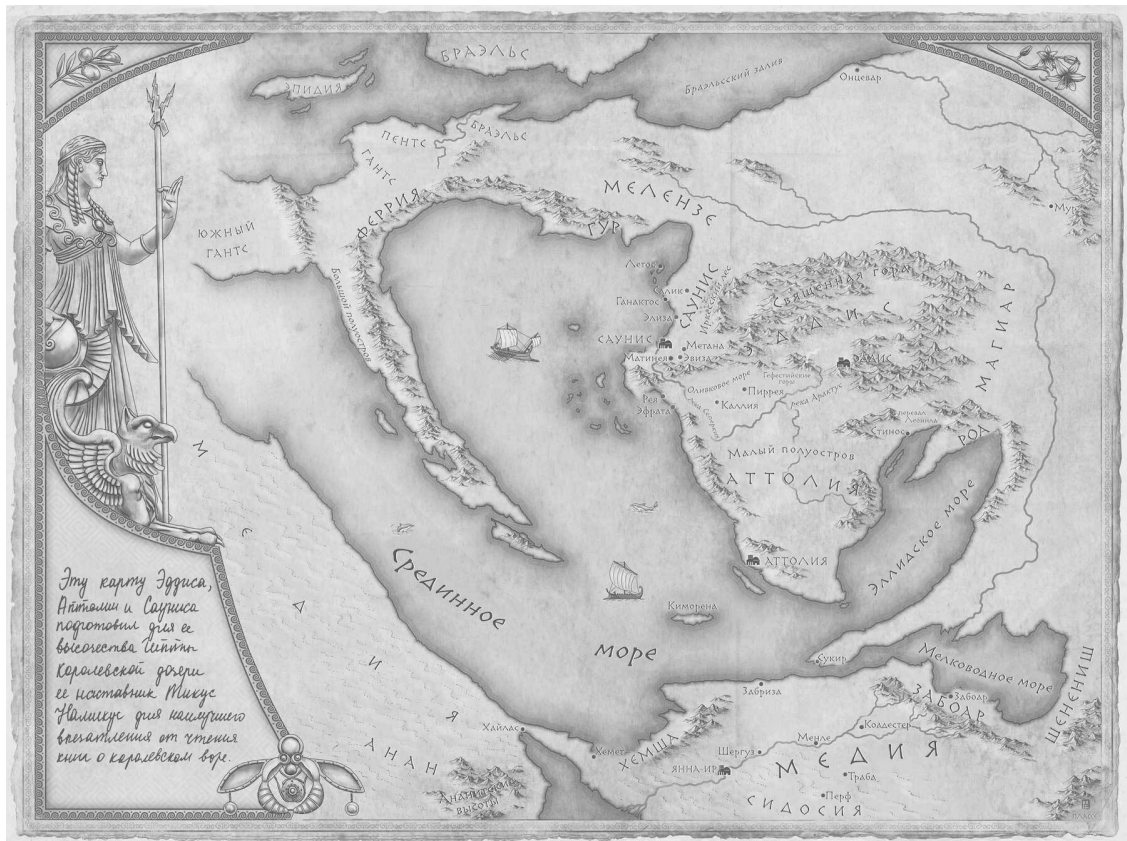
All rights reserved

Cover art © by Joel Tippie

Cover design by Paul Zakris

© Е. Токарева, перевод на русский язык, 2021

© Издание, оформление. Popcorn Books, 2021

Волшебник остановился и сказал:

– Вот оно.

– Что? – не понял я.

– Место, где ты заработаешь себе репутацию.

Я окинул взглядом голые скалы, реку, песчаный пляж под ногами. Было видно, что воровать тут нечего. Совсем-совсем нечего.

Посвящается Сэнди Пассарелли

Глава первая

Я сидел в королевской тюрьме. Долго ли? Не знаю. Потерял счет времени. Дни походили один на другой. Единственное различие – с каждым днем я становился еще грязнее. По утрам оранжевое мерцание тусклой лампы за дверью камеры сменялось столь же тусклыми, но ровными лучами солнца, проникавшими в тюремный двор. А вечерами, когда солнечный свет угасал, я говорил себе, что стал на один день ближе к освобождению. Чтобы скоротать время, вызывал в памяти приятные воспоминания, раскладывал их по полочкам и тщательно изучал. Снова и снова пересматривал планы, которые раньше казались такими простыми и понятными, и клялся себе и всем известным богам, что, если выберусь отсюда живым, никогда больше не возьмусь за такое рискованное дело. Безумно рискованное.

За время, прошедшее после ареста, я сильно исхудал. Железный обруч на поясе стал великоват, но все равно застревал на бедрах. Мало кого из заключенных надолго оставляли в цепях, разве что тех, кого король особенно недолюбливал: графов, герцогов да еще, пожалуй, министра финансов, посмеявшего сказать его величеству, что в казне не осталось денег на пустые развлечения. Я не был ни тем, ни другим, ни третьим, но не совру, если скажу, что король меня крепко невзлюбил. Вряд ли он помнил мое имя или кто я такой, но, по-видимому, не хотел, чтобы я ускользнул. Поэтому на ногах у меня болтались кандалы, на поясе – обруч, а на руках – наручники, от которых все равно не было никакого толку. Первое время я стягивал их, но иногда приходилось очень быстро надевать обратно, и на руках появились ссадины. Со временем я перестал снимать оковы – старался не беречь болезненные раны.

Чтобы чем-то занять голову, я учился ходить по камере, не звякая цепями. Длина цепи позволяла расхаживать от переднего угла камеры через середину к задней стене. Там, в глубине, находилась кровать – точнее, каменная скамейка с тоненьким мешочком опилок вместо матраца. Рядом стоял ночной горшок. Больше в камере не было ничего – только я, да мои цепи, да дважды в день еда.

Дверь в камеру была решетчатая. Стражники, расхаживая взад-вперед, то и дело поглядывали на меня. Вот она, цена моей репутации. Стремясь к величию, я бесстыдно хвастался своим мастерством в каждом городском трактире. Мне хотелось, чтобы все на свете поняли: я – величайший вор, какого знало человечество со дня творения. Видимо, я приблизился к своей цели. Народ валом валил послушать, как меня судят. Поглазеть на меня заходили все тюремные стражники. Других заключенных хотя бы на время выводили погулять на солнышке в тюремном дворе, я же был неотлучно прикован в камере.

Один из стражников был особенно настырен. Он норовил подловить меня, когда я сидел, обхватив голову руками, и всякий раз со смехом спрашивал:

– Ну что? Еще не удрал?

В ответ я ругал его последними словами. Наверное, это было неразумно, но я, как обычно, не умел держать обиду в себе. И сколько я ни чертыхался, он лишь еще громче хохотал.

Я изнемогал от холода. Когда меня арестовали и волоком вытащили из трактира «Тенистый дуб», стояла ранняя весна. А сейчас за стенами тюрьмы, должно быть, уже полыхает летняя жара, после полудня горожане спасаются от зноя в своих домах, но в здешние камеры солнце не попадает, и в них всегда стоит промозглая сырость. Долгими часами я мечтал о теплом солнышке, представлял себе, как оно пропитывает городские стены, чьи желтые камни остаются горячими еще долго после заката, как солнечные лучи высушивают нечаянно пролитую воду и капли вина, упавшие в пыль за порогом трактиров, когда горожане – правда, все реже – совершают жертвенные возлияния богам.

Иногда я подходил к двери, насколько позволяла цепь, и сквозь прутья, через глубокую галерею, обрамлявшую камеры, с тоской смотрел на яркое солнышко, озарявшее тюремный

двор. Камеры располагались в два этажа, я находился на верхнем. Двери камер выходили в галерею, а она отделялась от двора каменными колоннами. Внешняя стена, глухая, без окон, была фута три-четыре в толщину и складывалась из огромных камней, которые не могли бы сдвинуть и десять человек разом. Легенды гласят, что древние боги сложили эту стену всего за один день.

Город взбегал вверх по склону холма, а тюрьма располагалась на самой вершине и поэтому была видна отовсюду. Рядом с ней стояло только одно здание – королевский дом, мегарон. Когда-то здесь же высился и храм древних богов, но его давно разрушили, а базилику новым богам построили ниже, на склоне. В былые времена королевский дом представлял собой истинный мегарон с единственным залом, где стояли трон и очаг, а на месте тюрьмы была агора, рынок, где горожане назначали встречи, а купцы вели торговлю. В нынешних камерах располагались лавки, в которых продавали одежду, вино, свечи, драгоценности, привезенные с островов. Огромные камни, разбросанные по двору, служили трибунами, с которых именитые горожане произносили речи.

Потом пришли захватчики на длинных ладьях и принесли свои порядки. Они вели торговлю на открытых рынках, разбитых рядом с кораблями. В королевском дворце они поселили своего наместника, а в прочном каменном здании агоры устроили тюрьму. Именитых горожан приковали к тем же самым камням, на каких они привыкли стоять.

Прежних захватчиков вытеснили новые, и в конце концов граждане Сауниса восстали и вернули на трон своего короля. Но торговля все равно продолжалась на берегу моря, это вошло в привычку, и в здании агоры новый король оставил тюрьму. Она никогда не пустовала, потому что король не состоял в родстве ни с одной из семей, правивших городом раньше. И к тому времени, как я очутился здесь, история эта почти стерлась из людской памяти. Для горожан тюрьма была всего лишь местом, где держат бедолаг, не заплативших налоги, и прочих преступников.

Наступил вечер. Я растянулся на скамье, обмотавшись цепью, ведущей от обруча на поясе к кольцу в потолке. Время было позднее, солнце давным-давно зашло, и тюрьма освещалась тусклыми лампами. Я прикидывал, чего мне больше хочется – чистой одежды или сытной еды, и не обратил внимания на то, что снаружи застучали шаги. В узком торце здания была железная дверь, ведущая из тюрьмы в караулку. Через нее по многу раз в день входили и выходили стражники. Я давно перестал обращать внимание на хлопанье двери, поэтому вздрогнул от неожиданности, когда в камеру ворвался яркий луч, усиленный линзой. Я быстро выпутал ноги из цепи и сел. Хотелось выглядеть ловким, изящным и даже немного диковатым, однако внезапный свет ослепил глаза, я неуклюже дернулся и чуть не свалился с каменной койки. Удержала меня лишь цепь, в которой запуталась нога.

– Это он? Тот самый?

В голосе звучало удивление. Я выпрямился и зажмурил ослепшие глаза. Стражник заверил гостя, что это, несомненно, и есть тот самый узник.

– Хорошо. Выведите его.

Стражник отпер решетчатую дверь.

– Слушаюсь, волшебник. – Тут я понял, кто же явился ко мне в столь поздний час. Один из самых могущественных советников короля. В былые времена, до нашествия захватчиков, люди искренне полагали, что королевский волшебник и впрямь способен творить чудеса, но нынче в это не верил никто. Волшебник – это просто ученый. Он читал книги и свитки на разных языках, изучил все, что было когда-нибудь написано, и даже то, про что еще никто никогда не писал. Если королю надо было узнать, сколько зерна вырастает на том или ином клочке земли, он обращался к волшебнику. Если король пожелает выяснить, сколько крестьян будут голодать, если он сожжет этот самый клочок земли, волшебник мог сказать и это. Знания, подкрепленные умением убеждать, делали его влиятельной фигурой при дворе. Он при-

сутствовал, когда меня судили. Сидел на галерее за спинами у судей, положив ногу на ногу и скрестив руки на груди.

Наконец я выпутался из цепи, и стражник отомкнул кандалы огромным ключом толщиной с мой палец. Наручники оставили, но ослабили цепь, крепившую их к обручу на поясе. Потом меня подняли на ноги и вытащили из камеры. Волшебник окинул меня взглядом сверху донизу и наморщил нос – видать, запах не понравился.

Он пожелал узнать, как меня зовут.

– Ген, – ответил я. Больше его ничто не заинтересовало.

– Ведите, – бросил он стражникам, повернулся ко мне спиной и зашагал. Я изо всех сил старался сохранять равновесие, но мои движения постоянно приходились не в такт действиям стражников, и меня рывками толкали по галерее с изяществом ошпаренной кошки. Мы миновали караулку, через дверь в наружной стене вышли на крыльцо и спустились во двор, отделявший тюрьму от южного крыла королевского дома. С трех сторон у нас над головами высились четырехэтажные стены мегарона. Под внимательным оком захватчиков крошечная королевская цитадель превратилась в огромный дворец, а с тех пор разрослась еще сильнее. Следуя за фонарем в руке стражника, мы пересекли двор и по другому крыльцу поднялись к двери, ведущей в мегарон.

За дверью тянулся коридор. На белых стенах висели десятки ламп, и внутри было светло как днем. Я поспешно отвернулся, вырвал руку у стражника и прикрыл глаза. Свет вонзился в голову, словно острые копыя. Оба стражника остановились, один попытался схватить меня за руку, но я снова вывернулся. Волшебник оглянулся посмотреть, что тут за шум.

– Погодите немного, пусть его глаза привыкнут, – бросил он.

Мне дали всего несколько мгновений, но и они пошли на пользу. Я смахнул слезы, и мы двинулись дальше. Я шел с опущенной головой, почти закрыв глаза, и поэтому сначала мало что разглядел. Пол в коридоре был мраморный, плинтусы крашенные. Кое-где попадался узор из лилий, черепак, птичек на ветках. Мы поднялись по лестнице, где нарисованная свора охотничьих собак загоняла льва за угол к двери, и там остановились.

Волшебник постучал и вошел. Стражники не без труда втиснулись в узкий проем и втокнули меня. Мне стало интересно, кто наблюдает за моим неуклюжим появлением, и я посмотрел по сторонам. В комнате никого не было.

Я насторожился. Кровь бурлила, как вино в кувшине, но при этом я падал с ног от усталости. Подъем по лестнице ощущался как восхождение на гору. Колени подкашивались. Хорошо еще, что стражники, хоть и без всякой жалости, держали меня под руки. Когда они отступили, я пошатнулся и взмахнул руками, чтобы не упасть. Звякнули цепи.

– Можете идти, – сказал стражникам волшебник. – Заберите его через полчаса.

Всего полчаса? Все мои надежды, едва зародившись, слегка привяли. Стражники ушли, и я огляделся. Комната была небольшая, в ней стояли только стол да несколько удобных кресел. Волшебник остановился у стола. Окна за его спиной, должно быть, выходили в большой двор мегарона, но крохотные стеклышки лишь отражали свет ламп, горевших внутри. Я снова покосился на кресла, выбрал то, что получше, и сел. Волшебник сердито сдвинул брови. Они были темные, хотя волосы сильно поседели.

– Встань, – велел он.

Я развалился еще сильнее, облокотившись на перовые подушки. Эх, сюда бы еще и одежду чистую! Я чувствовал, что не смогу встать, даже если очень захочу. Колени дрожали от слабости, а желудок грозил расстаться даже с той скудной едой, какую мне дали на ужин. Спинка кресла доставала мне как раз до затылка, поэтому я откинул голову и стал смотреть, прикрыв глаза, на волшебника, все еще стоявшего у стола.

Волшебник дал мне еще пару секунд на размышления, потом подошел к креслу. Склонился, чуть не ткнув меня длинным носом. До сих пор я ни разу не видел его лицо так близко.

Нос был с горбинкой, как почти у всех жителей города, но глаза не карие, а светло-серые. Лоб покрыт морщинами – от солнца и от сердитого нрава. Видимо, он слишком часто хмурится. Мне подумалось, что, прежде чем углубиться в чтение книг, он, должно быть, много работал на открытом воздухе, но тут он заговорил. Я отбросил мысли о его внешнем облике и снова заглянул в глаза.

– Рано или поздно мы сможем достичь взаимного уважения, – тихо произнес он. «Скорее боги сойдут прогуляться по земле», – подумалось мне. Он продолжил: – А сейчас мне от тебя нужна лишь покорность.

Его способность выразить угрозу в столь немногих словах была поразительна. Я моргнул, и руки, лежавшие на подлокотниках, слегка задрожали. Звенья цепи звякнули одно о другое, но я все равно не сделал попытки встать. Просто не удержался бы на ногах. Волшебник, наверное, понял это, а также понял, что его слова достигли цели. Он шагнул обратно к столу и пренебрежительно отмахнулся:

– Ладно уж. Сиди пока. Потом почистим кресло.

Мои щеки вспыхнули. Я же не виноват, что воняю! Посидел бы он несколько месяцев в королевской тюрьме! Посмотрим, куда девался бы этот его аромат старых книг и душистого мыла.

Он разглядывал меня еще несколько секунд и восторга не выразил.

– Я был на суде, – сказал он наконец.

Я не стал говорить, что тоже его заметил.

– Ты похудел.

Я пожал плечами.

– Скажи, – продолжал он, – тебе не хочется покидать наш гостеприимный кров? На суде ты сказал, что даже стены королевской тюрьмы тебя не удержат, и я предполагал, что тебя уже и след простыл. – Он явно любовался собой.

Я закинул ногу на ногу и устроился поудобнее. Его передернуло.

– Все мое время, – ответил я.

– Истинная правда, – согласился волшебник. – И какое же время тебе потребуется?

«Еще полчаса», – подумал я, но этого тоже не стал говорить.

– На мой взгляд, времени понадобится немало, – сказал волшебник. – Возможно, вся твоя оставшаяся жизнь. Как-никак, – пошутил он, – после смерти ты недолго пробудешь в королевской тюрьме, верно?

– Пожалуй, да. – Шутка не показалась мне смешной.

– На суде ты много хвастался. Полагаю, впустую.

– Я могу украсть все что угодно.

– Хвались, хвались. Именно эта похвальба и привела тебя в темницу. – Он взял со стола перо и повертел в руках. – Жаль, что такие дарования, как твое, не часто соседствуют с разумом, но, к счастью для тебя, меня интересует не разум твой, а дарование. Если ты и впрямь так хорош, как заявляешь.

– Я могу украсть все что угодно, – повторил я.

– Кроме самого себя из королевской тюрьмы? – На сей раз волшебник приподнял только одну бровь.

Я пожал плечами. Из тюрьмы я бы тоже смог выбраться, но потребуется время. Возможно, долгое. А мне хотелось, чтобы королевский волшебник предложил выход побыстрее.

– Наконец-то ты научился держать язык за зубами, – подытожил волшебник, оторвался от стола и стал рассказывать взад-вперед. Когда он повернулся ко мне спиной, я отбросил волосы с лица и еще раз окинул комнату быстрым взглядом. Я уже понял, что это его кабинет. На полках лежали книги и старинные свитки. Вдоль поцарапанной скамьи громоздились амфоры и другие глиняные сосуды. Были и стеклянные бутылки. В дальнем конце виднелась задернутая

шторами ниша, под шторой угадывались ноги в кожаных сапогах. Я резко развернулся, желудок подскочил к горлу.

– Ты мог бы сократить срок заключения, не сокращая свою жизнь, – произнес волшебник.

Я поднял глаза на него. Оказывается, я уже потерял нить беседы. И, вспоминая, о чем речь, вдруг заметил, что он и сам нервничает.

– Продолжайте. – Я развалился в кресле.

– Я попрошу тебя кое-что украсть.

– Королевскую печать? – улыбнулся я. – Запросто.

– Я бы на твоём месте перестал хвастаться, – проскрежетал он.

Моя улыбка стала ещё шире. Золотое кольцо с гравированным рубином было отдано ему на хранение. А я его украл. Эта потеря наверняка сильно ухудшила его положение при дворе. Он покосился через мое плечо на зашторенную нишу и вернулся к делу.

– Мне нужно, чтобы ты выкрал одну вещь. Сделаешь – и не вернешься в тюрьму. Не получится – все равно не вернешься в тюрьму. Я об этом позабочусь.

Из тюрьмы то и дело кто-нибудь уходил. Каменщики, плотники, кузнецы, любые умелые ремесленники сокращали себе срок, работая на благо короля. Несколько раз в год собирали необученных работников и отправляли на серебряные шахты к югу от города. Они редко возвращались. А некоторые узники просто исчезали навсегда.

Было ясно, что у волшебника на уме, поэтому я кивнул.

– Что нужно украсть? – Только это меня и волновало.

Волшебник пропустил мой вопрос мимо ушей.

– Подробности узнаешь позже. А сейчас мне надо понять, способен ли ты к делу. – То есть не сдает ли меня хворь, не изголодался ли я до полной непригодности, пока сидел в темнице.

– Ещё как способен, – ответил я. – Но мне надо знать, что именно я должен украсть.

– Тебе расскажут. А пока что это не твоё дело.

– А если я не справлюсь?

– Мне казалось, ты можешь украсть все что угодно, – поддел он.

– Кроме самого себя из королевской тюрьмы, – подтвердил я.

– Хватит умничать, – покачал головой волшебник. – У тебя плохо получается. – Я открыл было рот и чуть не ляпнул то, чего не следовало, но он продолжал: – Чтобы достичь цели, придется проделать довольно дальний путь. Вот тогда все и узнаешь. Времени будет вдоволь.

Я, радостный и умиротворенный, откинулся на спинку кресла. Главное – уйти из Сауниса, а там уже только меня и видели. Волшебник наверняка прочитал мои мысли и снова склонился надо мной.

– Не считай меня глупцом.

Он не глупец, что верно, то верно. Но у него не было такой, как у меня, мотивации. Он снова облокотился на стол, а я сидел, расслабившись, и думал, что боги наконец-то услышали мои молитвы. Потом сзади меня что-то зашуршало, шторы раздвинулись, и я вспомнил про две ноги в нише. Желудок, слегка было успокоившийся, снова подскочил к горлу.

По комнате протопали сапоги, чья-то сильная рука протянулась из-за спинки кресла и схватила меня за волосы. Владелец руки обошел кресло спереди, приподнял меня и поставил лицом к себе.

– И меня тоже глупцом не считай, – прорычал он.

Он был невысок, весь в отца, и коренаст. Над ушами кудрявились темно-золотистые волосы. У любого другого такая причёска казалась бы женственной. В детстве, наверное, мама умилялась, глядя на него, но сейчас в нем не осталось ничего умильного. Волосы один за другим покидали мою голову, и я привстал на цыпочки, чтобы ослабить боль. Обхватил его

руку обеими своими, потянул вниз и внезапно понял, что ноги оторвались от земли. Я повис в воздухе.

Он разжал пальцы. У меня подкосились ноги, и я рухнул наземь со стуком, пронзившим все тело. Потрогал голову, пытаюсь запихнуть волосы обратно в скальп. Поднял глаза и увидел, что король вытирает руку об одежду.

– Встань, – велел он.

Я послушался, потирая макушку.

Король Сауниса не отличался изысканностью. Но не был он и неотесанным медведем, подобным королям из маминых сказок. До изящества он не дотягивал – слишком приземист, немного маслянист и чуть-чуть толстоват. Зато в пронизательности ему не откажешь. Он постоянно удваивал налоги и держал большую армию, чтобы население не вздумало бунтовать. Армия кормилась этими налогами. А когда и сама армия стала представлять угрозу, он отправил ее воевать с соседями. Победы наполняли его казну деньгами. Королевство Саунис, сильно пострадавшее от захватчиков, заметно расширилось. Еще не так давно захватчики отрывали от страны кусок за куском и раздавали в награду союзникам, а теперь она почти вернулась к былым размерам. Король вытеснил аттолийцев с их полей по эту сторону Гефестийских гор, и по узким перевалам, ведущим через земли Эддиса, изгнанники вернулись на свои исконные земли по ту сторону хребта. Поговаривали, что он хочет захватить и те земли тоже и что Аттолия готовится к большой войне.

Не удостоив своего волшебника даже взглядом, король подошел к скамейке у стены, взял небольшой ларец и опрокинул на стол. Дождем посыпались тяжелые золотые монеты. За каждую из них можно было купить семейную ферму со всем скотом. Несколько монет упали, звякнув, на каменный пол. Одна подкатилась к моей ноге и осталась лежать, глядя на меня насмешливым желтым глазом.

Я хотел было наклониться и поднять ее, но вовремя остановился и вместо этого сказал:

– Мой дядя держал такой ларчик под кроватью и каждый вечер пересчитывал.

– Врешь, – отрезал король. – Ты никогда в жизни не видел столько золота.

Откуда ему было знать, что однажды ночью я злоупотребил его гостеприимством, прокрался в мегарон и под полом, где тянулись трубы отопительной системы, прополз в сокровищницу. Там в душной темноте я проспал целый день на его окованных сундуках.

Саунис постучал по опрокинутому пустому ларцу:

– Все это золото я предложу в виде награды, если тебе не удастся принести то, за чем я тебя посылаю. Награда будет выдана любому человеку, из этой страны или из другой, кто доставит тебя ко мне. – Он поставил ларец как надо и захлопнул крышку.

У меня засосало под ложечкой. От такой награды никто не откажется. За мной будут охотиться по всему свету, от края до края.

– Ты мне, естественно, будешь нужен живым, – добавил король и стал подробно описывать все гадости, которые произойдут со мной, когда я попаду в плен. После первых же примеров я старался не слушать, но он все говорил и говорил, и я сидел, загипнотизированный, как воробей перед удавом. Волшебник стоял, скрестив руки на груди, и слушал столь же внимательно. От его волнения не осталось и следа. Доволен, наверное, что король принял его план и своими угрозами воодушевляет меня на работу. А у меня внутри делалось все хуже и хуже.

Через обещанные полчаса меня вернули в камеру, и после беседы в личном кабинете волшебника она показалась теплой и уютной. Как только стражники ушли, я плюхнулся на каменную скамью и бесцеремонно выкинул из головы короля с его угрозами. Об этих ужасах лучше не думать. Вместо этого я стал во всех подробностях представлять себе, как выйду из тюрьмы. Устроился, насколько можно, поудобнее и вскоре уснул.

Глава вторая

Наутро за мной пришли двое стражников и снова застали врасплох. Я-то думал, что путешествие, о котором говорил волшебник, начнется не скоро – ведь его надо тщательно спланировать. А королевское одобрение получено не далее как этой ночью. Мои надежды, то взлетавшие, то падавшие, снова поникли – до меня дошло, что волшебник не сказал, далеко ли мы направимся. Может, всего на несколько миль. Но все равно я был рад освободиться от цепей.

На сей раз стражники сняли и наручники, и обруч с пояса, и кандалы с ног. Поэтому, когда мы шли по галерее вдоль длинной вереницы камер, на ходу ничто не звякало. Тишину нарушал лишь громкий топот – стражников, не мой – да скрип кожаных курток, которые они носили под стальными кирасами. Мы прошли через караулку к двери во двор, отделявший тюрьму от мегарона. Едва дверь приоткрылась, я мгновенно понял, что вчерашний свет ночных ламп не идет ни в какое сравнение с сиянием палящего солнца.

Близился полдень, и солнечные лучи отвесно падали прямо во двор. Со всех сторон их отражали бледно-желтые камни. Я взвыл, чертыхнулся, закрыл голову руками и согнулся от боли. Уж лучше бы сгореть на костре.

Забавная штука: со времен захватчиков в Саунисе поклоняются новым богам, но, если нужно хорошенько выругаться, вспоминают богов старых. Я зывал к каждому из них по очереди и повторил все проклятия, какие слышал в нижнем городе.

– К богам собачьим, к богам собачьим! – завывал я, пока стражники, крепко держа за локти, тащили меня, совершенно ослепшего, вниз по лестнице. Я не мог оторвать ладони от глаз, ноги едва касались каменных ступенек.

Внизу ждал волшебник. Он велел мне взять себя в руки.

– И вас тоже к богам собачьим, – прохрипел я, не разжимая ладоней. Один из стражников тряхнул меня, и я чуть не обругал его тоже, но решил сосредоточиться на боли в глазах. Она угасала очень медленно, однако через несколько минут, отважившись чуть-чуть раздвинуть ладони и посмотреть вниз, я сквозь пелену кое-как различил мостовую. Я шмыгнул носом и утер слезы. Выждав полминуты, раздвинул ладони еще немного и попытался разглядеть, что делается во дворе. Спешить мне некуда.

Стоял дикий гвалт. Лошади громко цокали копытами по камням, волшебник орал на всех подряд. Неподалеку кто-то распаковывал седельные мешки и вытряхивал их содержимое прямо под ноги перепуганной лошади. Та всё норовила бочком-бочком отойти подальше от кучи барахла, а конюх под уздцы тащил ее обратно. Видимо, один из путешественников хватился, не забыл ли чего-нибудь. Волшебник, выругавшись еще крепче, отослал растяпу в замок искать потерю.

– Посмотри на скамье возле муфеля, – крикнул волшебник вслед удаляющейся фигуре. – Оно лежало там, когда я велел тебе упаковать. Болван, – буркнул он себе под нос.

Наконец болван вернулся, держа в руках небольшой кожаный футляр. Он бросил его в седельную сумку, потом стал запихивать обратно все, что недавно вытряхнул. Когда волшебник перестал кричать, а лошади успокоились, во дворе сразу стало тише.

Я все еще взирал на мир сквозь слезы, едва приоткрыв горящие веки. Пересчитал мутные силуэты во дворе. Отряд, похоже, небольшой, всего пять лошадей, зато у каждой позади седла тяжелый выюк. Видимо, поход грозит затянуться. Вот и хорошо. Стоявший возле меня волшебник посмотрел на небо и сказал, ни к кому не обращаясь:

– А я-то собирался выехать на рассвете. Поль, – крикнул он, – усаживай ребят. А я погружу вора.

Он говорил обо мне словно о вещи, которую надо среди прочих запихнуть во выючный мешок или, точнее, в седло. Мне это не понравилось. Волшебник подошел к лошади. Я увидел,

как он взмахом подзывает меня, но не сдвинулся с места. Терпеть не могу лошадей. Знаю, многие считают их благородными грациозными животными, однако, как бы изящно лошадь ни выглядела издалека, не забывайте, что она при первом же удобном случае охотно наступит вам на ногу.

- Что? – наигранно удивился я.
- Иди садись в седло, бестолочь.
- Я?
- А кто же еще, болван!

Я опять не шелохнулся, и волшебник устал ждать. Он подошел, схватил меня за шиворот и поволок к лошади. Я уперся пятками в землю. Если уж мне и придется карабкаться на зверя в восемь раз меня крупнее, то сначала надо хоть продумать план.

Волшебник оказался очень силен. Он встряхнул меня раз-другой за шкуру, да так, что закружилась голова. Затрещала дешевая ткань. Его пальцы крепче стиснули мне шею.

- Поставь левую ногу в стремя, – велел он. – Я сказал, левую!

Я покорился, и двое конюхов, не дожидаясь, пока я приду в себя, подхватили меня и водрузили в седло. Очувтившись наверху, я откинул волосы с глаз и огляделся. Когда сидишь в шести футах над землей, поневоле проникаешься чувством превосходства. Я пожал плечами и скрестил руки на груди, но зверюга подо мной шагнула влево, и пришлось расцепить руки и ухватиться за луку седла. Крепко держась, я ждал, пока усядутся остальные.

Когда все были готовы, волшебник направил своего коня к сводчатому проходу. Моя лошадка покорно двинулась следом, а остальные замыкали шествие. Мы проехали под вереницей дворцовых залов и коридоров, где я был не далее как ночью. Глаза получили недолгую передышку.

Нас никто не провожал. Никто не пришел пожелать нам счастливого пути, не гудели фанфары, не галдели толпы. Оно и к лучшему. Всего один раз я очутился в центре внимания галдящей толпы – когда меня судили. Мне тогда совсем не понравилось.

Мы выехали не через главные ворота мегарона, а через боковую калитку и очутились на узенькой улочке, по которой едва-едва могла пройти лошадь. Колени цеплялись за беленые стены домов по обе стороны переулка. Попетляв по лабиринту узких улочек, мы вышли на Священную дорогу и по ней проследовали к воротам старого города. Они были сложены из огромных камней в ширину больше моего роста. Говорят, их тоже построили древние боги.

Ворота были увенчаны массивной каменной перемышкой с двумя резными львами. Считалось, что они должны зарычать, если под ними проходит враг короля. Правда, за долгие века камень так выветрился, что изваяния уже мало походили на львов. С невысоких колонн друг на друга взирали потертые неразличимые чудища. Когда мы прошли мимо, они даже не пикнули.

Королевский путь был прямым и широким, он еще дважды пересек извилистую Священную дорогу и наконец вышел к порту. Изначально эту дорогу ограждали каменные стены, защищавшие важный для города маршрут. Но впоследствии Длинные стены были разобраны на камни, из которых к королевскому мегарону пристраивали одно крыло за другим, пока скромная однокомнатная цитадель не разрослась в четырехэтажный дворец.

На оживленной улице стук копыт наших лошадей утонул в извечном городском шуме. Близился полдень, и мы попали в самый разгар утренней суеты. Люди спешили закончить свои дела и поскорее удалиться под сень своих домов переждать послеполуденную жару. На дороге было всего несколько лошадей и очень много ослов. Люди передвигались кто пешком, кто в паланкинах на плечах у слуг. Купцы везли свой товар на телегах, а потом на осликах доставляли его по узким переулкам к задним дверям роскошных домов, чтобы там продать овощи кухаркам, полотно горничным или вино дворецким. Все толкались, шумели, кричали, и после неизменной гнетущей тишины я искренне наслаждался этим шумом и гамом.

Мы осторожно пробирались сквозь толпу, притягивая любопытные взгляды. Мои спутники были облачены в крепкую походную одежду. А на мне оставалось то, в чем я был в тюрьме. В те далекие времена, когда я приобрел свою тунику у купца в нижнем городе, она имела жизнерадостный желтый цвет. Мне он казался шегольским. Со временем она полиняла, стала грязно-коричневатой и сильно потерлась на локтях, а у воротника стараниями королевского волшебника зияла свежая прореха. Интересно, в чем я останусь, если он вздумает и дальше рвать в клочья мою одежду.

Мы пересекли сначала верхнюю часть Священной дороги, потом нижнюю, где стояли лучшие в городе магазины. Оглядевшись на перекрестке, я увидел паланкины и роскошные экипажи, ожидавшие своих благородных владельцев, удалившихся за покупками. В одной лавке за углом торговали только сережками, и я проводил ее тоскливым взглядом. Взглянуть бы хоть одним глазом на выставленный в витринах товар! Но мы были слишком далеко, а улицы слишком запружены. Нечего и думать.

Когда мы спустились в нижний город, народу на улицах стало меньше, люди разошлись по домам. Я тщетно высматривал хоть одно знакомое лицо. Хотелось сказать кому-нибудь, что я освободился, но мало кто останется на улице в такой зной. Добравшись до порта, мы повернули и поехали вдоль берега к южным воротам. Миновали сначала торговые корабли, потом причал с личными яхтами для рыбалки и приятных прогулок, потом королевские военные суда. Я считал пушки, привинченные к палубам, и так увлекся, что не сразу заметил Филоникеса.

– Филоникес! – закричал я, изогнувшись в седле. – Эй, Филоникес! – Больше я ничего сказать не успел: волшебник ухватил меня за руку и потащил прочь. Он пришпорил лошадь, и она пошла рысью, а вслед за ней и моя. Я оглянулся и увидел, как Филоникес исчезает за углом. Не знаю, заметил ли он меня. Волшебник еще раз свернул за угол, мы замедлили шаг, и нас догнали остальные четверо.

– Проклятье! – выругался волшебник. – Что ты тут затеял?

Я ткнул пальцем через плечо и изобразил недоумение:

– Филю – мой друг. Хотел поздороваться.

– Думаешь, каждому в городе надо знать, что ты работаешь на короля?

– А почему бы и нет?

– Ты, когда хочешь что-нибудь украсть, заранее объявляешь об этом на весь город? – Он на миг задумался. – Ты – да. А я не собираюсь.

– А почему бы и нет? – снова спросил я.

– Не твое дело. Держи язык за зубами, понял?

– Конечно, – пожал плечами я.

Мы снова тронулись в путь, и сгусток людей и лошадей, уже начавший собираться вокруг нас на узкой улице, рассеялся. Я наклонил голову, чтобы скрыть улыбку. Лошадь послушно трусила вслед за волшебником.

* * *

У южных ворот мы снова нырнули в прохладный туннель, на сей раз гораздо длиннее, чем в мегароне. Он шел под пологим земляным валом и новой городской стеной. Потом опять вынырнули на солнечный свет. Город, конечно, за стенами не кончался. Захватчики, народ деловитый и рассудительный, принесли городу процветание, и он давно выплеснулся за прежние границы. Мы ехали мимо красивых купеческих домов, чьи обитатели предпочли покинуть городскую тесноту. Над стенами, ограждавшими сады, покачивались цитрусы, инжир, миндаль. В тени деревьев прятались веранды. С высоты лошадиных спин мы могли украдкой заглядывать в частную жизнь, обычно скрытую от посторонних глаз. Я бы предпочел залезть на

стену и присмотреть себе добычу. Мне не нравилось, что, едва глаз зацепится за что-нибудь интересное, как вся картина исчезает за темно-зеленой листвой апельсинового дерева.

За виллами потянулись фермы. По обе стороны от нас, насколько хватало глаз, раскинулись идеально ровные поля. Похоже, до самого подножия Гефестийских гор, видневшихся вдалеке, мы не встретим ни единого пригорочка. Где-то справа, в той стороне, где море, должна протекать река Сеперкия, но она не была видна даже с лошади. Я привстал в стременах. Вдали зеленела полоска деревьев – должно быть, она окаймляет берега, скрывая водную гладь. Через мгновение колени задрожали, пришлось снова сесть. Лошадь недовольно фыркнула.

– Не тяни за поводья, – посоветовал тот, что ехал справа.

Я поглядел на кожаные полоски, лежавшие в ладонях, и выпустил их совсем. Лошадка, видимо, и без меня знала, куда идти. Мимо нас одно за другим тянулись луковые поля, иногда их сменяли участки поменьше с огурцами или арбузами. Арбузы успели вырасти величиной с мою голову, так что до конца лета, по-видимому, оставалось меньше, чем я предполагал. Долгого же я выбирался из тюрьмы.

Стояла жара. Пассатные ветра, обычно дующие в конце лета с северо-запада, еще не пришли, и в застывшем пейзаже не колыхалась ни травинка. Солнце палило нещадно, и даже пыль не давала себе труда подняться с земли. Мы проехали мимо крестьянского дома с небольшой оливковой рощицей. Серебристая листва казалась вырезанной из камня.

В городе мне хотелось раскрыть объятия солнечному свету и завернуться в него, как в одеяло. Я вертелся в седле, подставляя кожу под теплые лучи. Поначалу это было приятно, но, когда город почти скрылся за горизонтом, стало казаться, что толстая корка грязи и засохшего пота, покрывавшая тело, усохла размера на два и стала тесна. Я чесался с головы до ног. Следом за мной над дорогой тянулся шлейф тюремной вони, и, по-моему, это не нравилось даже моей лошади.

Я заметил, что всадники, ехавшие по обе стороны от меня, постепенно отстраняются все дальше и дальше.

Я окинул взглядом наш отряд. К волшебнику я уже присмотрелся. Справа от меня ехал солдат, который посоветовал не тянуть за поводья. Его профессия угадывалась сразу, потому что из-под клапана седельной сумки еле заметно торчал меч. Видимо, это и есть тот самый Поль, к которому обращался волшебник во дворе, ведь остальные двое совсем мальчишки. Один чуть помоложе меня, а другой, кажется, на несколько лет старше. Понятия не имею, почему их взяли с нами. У старшего тоже был меч в ножнах, и он, если потренируется, возможно, сумеет перерубить пополам соломенное пугало, но от младшего, похоже, никакого толку не жди. Ребята явно из хороших семей, а не из слуг. Интересно, не братья ли? Как и волшебник, они были одеты в просторные темно-синие туники, развевавшиеся над поясом. У старшего волосы потемнее, а лицо покрасивее. Похоже, он и сам это знал. Он ехал слева от меня и при малейшем ветерке морщил нос, но ни разу не удостоил меня ни единым взглядом. Парень помоложе держался позади меня, и всякий раз, обернувшись к нему, я наталкивался на его внимательный взгляд. На первое время я прозвал их Пустозвон Старший и Пустозвон Младший.

Жара стала невыносимой, и с каждым лошадиным шагом я уставал все сильнее и сильнее. После многих часов в седле я вдруг понял, что, если мы не остановимся, я неизбежно свалюсь.

– Я устал, – проговорил я. – Устал.

Ответа не было. Волшебник даже не повернул головы, поэтому я решил спасаться сам. Соскользнул с лошади вбок, рассчитывая, что оставшаяся наверху нога последует за мной. Так оно и вышло, хотя и не очень изящно: когда я коснулся земли, лошадь не сбавила шагу, и пришлось прыгать на одной ножке, пока вторая не опустилась. Как только обе ноги утвердились на дорожной пыли, я головой вперед ринулся в траву у обочины. Ступил в канаву, выбрался, рухнул на колени, потом на живот и больше уже не шевелился.

Солдат, должно быть, пулей кинулся ко мне. Падая, я почувствовал, как его пальцы хватают меня за рубашку. Все остальные тоже спешили, перешагнули через канаву и выстроились полукругом около меня. Я на миг приоткрыл глаза, взглянул на их сапоги и опять зажмурился.

– Волшебник, что с ним стряслось? – спросил, наверное, тот, что помоложе.

– Боги его разрази. Мы только на полпути к Метане, а я хотел к вечеру добраться до Матинеи. Он устал, только и всего. Выбился из сил. Недокормленный. – Кто-то попытался ткнуть меня сапогом. – Нет, оставь его в покое.

Ох, слава богам, подумал я. Они решили оставить меня в покое. Сейчас мне хотелось только одного – до скончания века лежать на сухой колючей траве ногами в канаве. Из меня получится неплохой верстовой столб, решил я. Доедешь до вора, значит, ты уже на полпути к Метане. Где бы она ни была, эта Метана.

Но они меня не оставили. Расседлали лошадей, достали еду и сели подкрепиться. А я спал.

Когда солнце стало клониться к закату, Поль ногой растолкал меня. Я приоткрыл глаза и долго не мог понять, где нахожусь. Не в постели, это точно. И не дома. В тюрьме мне несколько раз доводилось просыпаться в таком же состоянии, не понимая, где я. Хотелось вскочить и осмотреться, но я старался лежать смирно, чтобы цепи не натирали старые синяки. Вот и сейчас я по привычке подавил этот первый порыв, но потом вспомнил, что цепей на мне уже нет. Я прикрыл лицо рукой и весьма убедительно застонал. Чувствовал я себя на удивление хорошо. Проголодался как собака, но голова работала ясно. Я сел, потер затекшее лицо, на котором остался грубый след от травы.

Под аккомпанемент моих стонов и жалоб Поль одной рукой взгромоздил меня обратно на лошадь, и мы снова тронулись в путь. Волшебник ехал возле меня и попеременно вручал куски сыра и хлеба, на ходу отламывая от буханки. Одной рукой я ел, а другой держался. Лошади – самый кошмарный вид транспорта. Мне хотелось спросить, почему они не взяли повозку, но рот был занят едой.

Мы прибыли в Метану на закате. Это был небольшой городок на перекрестке дорог – всего лишь несколько домиков да постоялый двор. Мы не остановились. Ехали дальше, пока совсем не стемнело. Луна светила тонким полумесяцем, солдат спешил и повел коня под уздцы. Шагал он медленно, чтобы не упасть в придорожную канаву, и остальные лошади следовали за ним.

В ночном воздухе стояла прохлада, и мой чудесный освежающий сон уже развеялся без следа. Я с трудом удерживался на узкой лошадиной спине и мечтал, чтобы седло превратилось в удобное кресло. На каждом шагу я клевал носом, то роняя, то вскидывая голову. У волшебника, должно быть, глаза были как у вора: он велел Полю остановиться, спешил и пошел рядом со мной, положив руку на колено. Если я засыпал, он встряхивал меня, и весьма чувствительно, а время от времени больно щипал.

Наконец мы пришли в Матинею. Она была ненамного больше Метаны, но здесь сходились сразу несколько дорог. На перекрестке стояла двухэтажная таверна, ворота вели в закрытый двор. Как только мы въехали, подошел конюх забрать лошадей. Мы спешили, Поль тотчас же оказался рядом со мной и крепко взял за плечо. Ему это не составляло труда, потому что мое плечо едва доходило ему до груди. Иногда меня раздражает, что я такой маленький. Вот и тогда я разозлился, попытался стряхнуть его руку, но она не шелохнулась.

Волшебник представился странствующим землевладельцем и заявил, что заранее послал гонца, чтобы тот забронировал нам комнаты. Хозяин был счастлив нас видеть, и мы дружно прошествовали к дверям. Но супруга хозяина при моем приближении наморщила носик, а когда я дошел до дверей, громко запротестовала.

– Вот этот, – ткнула она пальцем, – воняет как свинья! Ни за какие коврижки он не войдет в мою таверну и не ляжет спать на моих чистых простынях.

Ее муж в отчаянии заламывал руки, пытаясь успокоить супругу, но тщетно.

– Только через мой труп! Будь он даже хоть сын вашей светлости. – Она поклонилась волшебнику. – Хотя надеюсь, это не так.

Кровь хлынула мне в лицо, я покраснел до ушей. Под крики протестующего мужа волшебник повел переговоры с трактирщицей. Нет, он не допустит, чтобы я спал в амбаре, но меня можно уложить на полу, предложил он. Дал еще одну серебряную монету и пообещал, что я немедленно вымоюсь. Хозяйка рассказала, где во дворе устроена водокачка, и Поль тотчас же меня увел.

Водокачка стояла посреди внутреннего двора. С двух сторон тянулись конюшни, третью сторону замыкала стена, на четвертую выходила задняя дверь таверны. Место было отнюдь не укромное и плохо подходило для принятия ванны. Мы подошли к водокачке. Поль ухватил мою рубаху за бока и дернул вверх. Я поспешно вытянул руки по швам, чтобы она не снялась через голову. Ткань затрещала в его могучих ладонях. Он снова потянулся ко мне, но я отскочил. Сонливости как не бывало.

– Сам справлюсь, – огрызнулся я.

– Уж постарайся, – буркнул он и налег на рычаг водокачки. Из трубы на уровне моего пояса хлынула вода. Я стянул тунику и бросил на камни. Потом скинул башмаки. Носков под ними не было, так что следом полетели штаны. Вода, хлеставшая на булыжную мостовую и мне на ноги, была ледяная, и под грязью выступила гусиная кожа. Дрожа и чертыхаясь, я нырнул под струю.

Пока я плескался, подошел младший Пустозвон. Он держался поодаль от холодных брызг.

– Положи все это туда, где посуше, – велел Поль, – и принеси из конюшни пару пустых мешков.

Когда Пустозвон вернулся, Поль взял у него один из мешков и сунул мне, а вместе с ним квадратный кусок мыла. Присев на корточки возле водяной струи, я намочил тряпку и потер мылом. Сразу выступила густая пена, и я с удивлением принялся. Ну и ну! Да ведь это же благовонное мыло самого волшебника. Пустозвон Младший, должно быть, извлек его из седельного выюка.

Я долго растирался мешковиной, смывая вековые отложения грязи. Соскребал изо всех сил, ополаскивался и снова намыливался. Только бы Поль не прекратил качать! Повозил тряпкой по затылку, по плечам, насколько смог дотянуться, снова и снова стал растирать лицо. Пусть мой нос станет поменьше – ну и ладно, лишь бы был чистый.

Младший Пустозвон стоял и смотрел, не сводя глаз. Интересно, что он обо мне думает. От железного обруча на поясе остались темные синяки, я был с ног до головы искусан блохами и покрыт болячками, но хуже всего было одно запястье. Там, где наручники натирали, остались ссадины, покрытые коростой. Они резко чернели на побледневшей в заточении коже. Избавившись от большей части грязи и прополоскав волосы, я присел перед струей и стал пристраивать израненные руки так, чтобы вода не очень сильно была по ним. Ссадины кое-где воспалились, надо бы их прочистить, но это будет дело болезненное. Я весь дрожал от холода и стиснул зубы, чтобы не слишком громко стучали.

Поль обошел водокачку, склонился надо мной и осмотрел ссадины. Струя воды ослабла.

– Оставь, – велел он. – Я ими потом займусь. – Он дал мне еще кусок мешковины, чтобы вытереться, а потом вручил охапку одежды: штаны, рубаху, тунику, пару крепких рабочих башмаков. Я оглянулся, ища свои шмотки, и увидел, как младший Пустозвон нырнул с ними в конюшню.

– Эй! – заорал я. – А ну верни!

Он неуверенно оглянулся:

– Волшебник велел сжечь это.

– Только не башмаки!

Пустозвон поглядел на кучу тряпья у себя в руках и наморщил нос.

– Ну хорошо, бери, но если волшебник велит сжечь, то отдашь обратно.

– Ладно, ладно. – Я проскакал босиком по мокрым камням и отобрал у него свою обувь.

Остальную одежду я без сожаления предаю огню, но вот башмаки у меня особые. Сделаны по специальному заказу. Высокие, чуть выше щиколоток, укрепленные в подошве, но все равно необычайно гибкие. В них я мог неслышно двигаться по чужим домам. Я отнес их к Полю, потом стал искать сухое местечко, где встать и одеться. Штаны были из тяжелого хлопка и пузырились на лодыжках, упираясь в голенища. На поясе они пузырились еще сильнее, но там их хотя бы ремнем можно поддержать. Рубаха была тоже хлопковая. До чего же приятно, когда чистая одежда касается чистой кожи. Натягивая через голову тунику, я невольно улыбнулся. Темно-синяя, с коротким рукавом, она доходила мне до бедер и ни капельки не мешала двигать руками. Я проверил на всякий случай.

– Да благословят боги нашего волшебника! Он все продумал, верно? – сказал я Полю.

Он что-то хмыкнул и подтолкнул меня к задней двери таверны.

Мы вошли в обеденный зал. Там уже ждали волшебник и оба Пустозвона. На столе стояли большие миски жаркого, но Поль не дал мне приступить к еде, он хотел сначала осмотреть мои руки. Волшебник бросил взгляд через плечо и отослал старшего Пустозвона к себе в комнату за аптечкой. В ней лежали чистые бинты и горшочки со снадобьями.

Поль снял со стены фонарь и поставил на стол. Хозяйка укоризненно поцокала языком, но все же принесла миску теплой воды, тряпки и побольше мыла. Пока я с сожалением косился на остывающий обед, Поль занялся моей правой рукой. Промыл ее мыльной водой, смазал лечебной мазью коросты на двух ссадинах над костяшками запястий. Потом осторожно наложил чистую белую повязку. Работа была такая аккуратная, что потрясла даже меня. Я ослабил бдительность, и он взялся за мою левую руку. Там была всего одна ссадина, но она тянулась через всю тыльную сторону ладони. Ее покрывала не короста, а участки содранной кожи вперемежку с пузырями. Без малейшего предупреждения Поль воткнул нож в один из пузырей и вскрыл.

Я завопил во все горло. Все подскочили, в том числе и Поль. К счастью, его нож был уже далеко от моей руки. Я стал вырываться изо всех сил, тогда он положил мне ладонь ниже локтя и сжал, словно в тисках. Я попытался правой рукой разогнуть его пальцы, но он даже не дрогнул. Пока я орал и дергал его за пальцы, старый солдат, не говоря ни слова, положил нож на стол и потянулся за аптечкой. Вытащил оттуда деревянный кляп, который запикивают человеку между зубами перед тем, как сделать что-нибудь ужасное, например отпилить ногу. Он выразительно поднес кляп к моему лицу и произнес:

– Хватит.

Я хотел было объяснить, что этой ссадине уже много недель. И все это время я, как умел, старался, чтобы наручники не цепляли ее, берег, холил и лелеял, делал все, чтобы она не болела, а он мог бы хоть предупредить, что воткнет в нее этот свой треклятый нож. Но, посмотрев на кляп в его ладони, я предпочел заткнуться. Удовлетворился хотя бы тем, что корчился и всхлипывал. Он деловито вскрывал каждый из воспаленных волдырей, прочищал раны, втирал целебную мазь. А когда наложил повязку, я хмыкнул, вытер нос, повернулся к столу и принялся за еду.

Пустозвон Старший бросил на меня насмешливый взгляд:

– А ты не слишком-то терпелив.

Я сказал ему, куда засунуть его собственный обед, и получил от Поля тычок локтем под ребра. Пережевывая первые несколько кусков мяса, я все еще дулся, но потом заметил, какое

же оно вкусное. Уплетая за обе щеки, прислушивался к разговорам и уловил, что старшего Пустозвона зовут Амбиадес, а младшего Софос. Они не были в родстве друг с другом и оба состояли у волшебника в учениках. Я ел и ел, пока от усталости голова сама собой не рухнула на стол, и уснул с последним куском недожеванного мяса во рту.

Глава третья

Проснулся я утром в одной из верхних комнат таверны, лежа на полу. Отсюда, снизу, мне была видна паутина под соседней кроватью, прогнувшейся под могучим весом Поля. Он, должно быть, втащил меня наверх и уложил на коврик, а потом лег спать сам. Я с завистью окинул взглядом его кровать. Хорошо хоть, пол деревянный, а не каменный. Подо мной был коврик, а сверху наброшено одеяло.

Я осторожно приподнял руку и откинул волосы с лица. Обычно я отпускаю их чуть ниже плеч и собираю на затылке в короткую толстую косичку, но в тюрьме они успели сильно отрасти. К тому же за время под арестом я ухитрился потерять шнурок, стягивавший их, и с тех пор волосы сбились в колтуны и висели, закрывая лицо. Вчерашнее полоскание смыло часть грязи, но колтуны никуда не делись. Я хотел было попросить у Поля нож и срезать их совсем, но вовремя отринул эту мысль. Пол все равно не даст мне ножа, подстрижет сам, а это будет больно. Кроме того, мне нравились мои длинные волосы. Когда они были чистые и аккуратно завязаны сзади, это придавало мне, хотелось думать, аристократичный вид, что было весьма полезно. Иногда я прятал в густой косице необходимые мелочи.

Но сейчас мои космы, грязные и спутанные, были далеки от аристократизма. Я до поры до времени откинул их со лба и сел. Едва я шевельнулся, Поль открыл глаза, и я распрошарился с мыслью незаметно ускользнуть. Через мгновение я обнаружил, что прикован. Щиколотку обернули чьей-то запасной рубахой и замкнули на ней железный браслет с цепочкой, обмотанной вокруг ножки кровати. Чтобы освободиться, пришлось бы приподнять кровать, на которой лежал Поль. Интересно, кому принадлежала мысль обернуть ногу рубашкой и накрыть меня одеялом. Поль не походил на человека, внимательного к личному комфорту.

Я помылся опять, на этот раз теплой водой в умывальне, в конце коридора. Там уже были волшебник и оба его ученика. Раздевшись до пояса, они с удовольствием плескались. При нашем с Полем появлении они дружно подняли головы, и у всех троих на лицах было написано, что они ждут от меня возмущенного отказа от воды и мыла.

– Я же вчера уже мылся, – напомнил я волшебнику. – Вот, смотрите, руки чистые. И весь я чистый. Зачем мыться еще раз?

Волшебник отошел от тазика с водой для бритья и схватил меня за локоть, постаравшись не задеть чистые белые повязки. Перевернул мне руку ладонью вверх, и я увидел, что в складках кожи еще осталась въевшаяся черная грязь.

– Умывайся, – велел он, и Поль, не дожидаясь протестов, обхватил меня поперек туловища и подтащил к пустому тазу, стоявшему на длинной полке вдоль стены. Держа меня одной рукой за загривок, он взял кувшин и налил в тазик дымящейся горячей воды.

– Я и сам могу умыться, – заспорил я, но тщетно.

Он взял мыло с мочалкой и стал трудиться над моим лицом. Открыв было рот, чтобы заспорить, я тотчас же получил в него щедрую порцию пены. Сколько я ни вырывался, все было впустую. Ручища Поля, лежавшая на затылке, с легкостью обхватывала мне шею с одного боку до другого. Он не проявлял жалости к моим синякам, а я в отместку норовил наступить ему на ногу. Тогда его пальцы сильнее стиснули шею, и пришлось угомониться. Он намылил мне плечи и еще раз нажал сильнее, чтобы я подставил спину. Согнувшись пополам, я увидел в пределах досягаемости его коленки. Я мог бы ухватиться за одну и опрокинуть его на пол, но не стал. Сейчас не время выказывать неожиданные способности. Кроме того, если промахнусь, я только выставлю себя в дурацком виде, а этого мне и так уже с лихвой хватает.

Поль сполоснул меня кувшином воды. Я выпрямился и попытался напустить на себя презрительный вид, но экзекуция была еще не окончена. Под мои возмущенные вопли Поль про-

вел меня через всю умывальню к ванне с водой и окунул туда головой. Потом приподнял и, пока я откашливался, еще раз намылил мне голову, а потом снова окунул.

Когда его хватка наконец ослабла, я вывернулся и, весь в стекающей воде, отскочил к дальней стене умывальни. Оттуда, кашляя и отплеываясь, настороженно следил за ним. Он терпеливо дождался, пока я отожду волосы. Я буркнул, что мог бы помыться и сам. Он в ответ швырнул мне полотенце и лениво ткнул пальцем в сторону двери.

У него на лице по-прежнему ничего не было написано, но уголки губ слегка дрогнули. Я выдвинул челюсть, чтобы скрыть выражение собственного лица, прошествовал по коридору и взял в комнате, где спал, свою рубаху и тунику.

– Ты мне все штаны промочил, – проворчал я, натягивая рубаху. Пояс был весь мокрый. Поль не удостоил меня ответом.

Натягивая тунику через голову, я протопал по лестнице в обеденный зал. Там меня ждал завтрак. Все остальные были уже в сборе. Волшебник и его ученики радостно улыбались. Я, не взглянув на них, плюхнулся на край скамьи.

Прикончив миску овсянки, я слегка пригладил волосы пальцами, чтобы хоть чуть-чуть привести их в порядок. Распутав несколько колтунов, разделил лохмы на три пряди и заплет в короткую косицу. Зажав конец в одной руке, пробежался взглядом по залу в поисках вдохновения. За барной стойкой ждала девушка. Улыбнувшись ей, я покрутил пальцем вокруг кончика косы, объясняя, что мне нужно. Она улыбнулась в ответ, махнула рукой – поняла, мол. Тогда я снова обернулся к столу и поймал свирепый взгляд Пустозвона Старшего, которого, насколько я помнил, звали Амбиадес. Понятия не имею, что его так разозлило. Я устремил свой озадаченный взгляд в миску из-под овсянки.

Через несколько минут девушка принесла еще еды для всех и шнурок для моей косы. Уходя, она оглянулась на Пустозвона Старшего и презрительно фыркнула. Вот, значит, что означал его кровожадный взгляд. Друзей в этой компании у меня не было, впрочем, я здесь не за тем, чтобы заводить друзей. К тому же он слишком много ухмылялся. Я уже успел понять, что люди, которые много ухмыляются, чаще всего смеются надо мной.

Волшебник, Поль и младший Пустозвон – Софос – старательно уминали свой завтрак.

– А она, видать, милашка, – бросил я и поймал сердитые взгляды Амбиадеса и его учителя. Вряд ли волшебник получил от ворот поворот от простой служанки, поэтому я заключил, что он не хочет, чтобы я дразнил его ученика. – Очень приветливая девушка, – добавил я напоследок и углубился во вторую миску овсянки. Она была чуть-чуть клейкая, зато с маслом и медом. Рядом стояла миска йогурта – его я тоже упле. Софос получил миску поменьше, и, когда волшебник отвернулся, я выхватил ее прямо из-под его поднятой ложки и заменил на свою, пустую. Он вздрогнул, Амбиадес презрительно хохотнул, но никто из них не стал жаловаться волшебнику. Посреди стола стояла большая чаша с апельсинами. Я потянулся было к ним, но перехватил на себе сердитый взгляд волшебника.

– Есть хочу, – оправдался я и схватил три штуки. Два сунул в карманы туники, а третий очистил и стал жевать. В этот миг появилась хозяйка.

Она пришла спросить, не упаковать ли нам обед с собой, но, увидев меня, застыла в изумлении.

Я встретил ее самой обаятельной мальчишеской улыбкой:

– Хорошо я помылся, верно?

– Да, – улыбнулась в ответ она. – Где же ты так испачкался?

– В тюрьме, – объяснил я.

– А, – протянула она без всякого удивления. Люди что ни день попадают в тюрьму, дело обычное. – Рад небось, что вышел.

– Да, госпожа, тем более что у вас так хорошо кормят.

Она рассмеялась и снова обернулась к волшебнику. Тот хранил мрачный вид.

– Господин, вам что-нибудь еще понадобится?

– Нет, спасибо, мы остановимся на обед в Эвизе.

Все ушли навьючивать лошадей, остались только волшебник и я. Мы сидели за столом, пока Поль не прислал Софоса с сообщением, что все готово к отъезду. Во дворе стояла колода, так что я смог самостоятельно взгромоздиться на лошадь. Правда, Поль ухватил ее под уздцы, а Софос придерживал мне стремя и помогал советами.

– Не надо вот так ползти на животе, – говорил он. – Никуда она из-под тебя не денется.

– А вдруг, – уныло ответил я.

Едва мы выехали со двора, из парадных дверей таверны вышла хозяйка. В руке она держала узелок, завернутый в платочек. Одной рукой она остановила мою лошадь. Я восхитился смелостью ее поступка, но сама она явно не находила в нем ничего необычного.

– Вот тебе гостинцев на дорожку. До Эвизы путь долгий. – Она протянула мне узелок. – Мой младшенький тоже в тюрьме сидит.

– Ого, – отозвался я без всякого удивления. Небось не смогли дать приличную взятку сборщику налогов. – Не беспокойтесь слишком сильно, – продолжал я, хотя волшебник усердно тянул мою лошадь прочь. – Там не так уж плохо. – Я забылся настолько, что улыбнулся совершенно искренне, но, увидев, как озарилось хозяйкино лицо, тотчас сменил улыбку на дерзкую ухмылку. – Да простят мне боги это бесстыдное вранье, – пробормотал я себе под нос.

Таверна осталась позади. Дорога петляла среди оливковых деревьев. Едва мы скрылись из виду, волшебник остановил и своего коня, и моего тоже.

Он склонился в седле и отвесил мне крепкий подзатыльник, потом отобрал узелок с обедом, который я приспособил к какой-то пряжке на седле.

– Эй! – возмущенно заорал я. – Это дали мне!

– Не хватало только, чтобы ты трепался с каждым трактирщиком отсюда и до самых гор.

– Трактирщику я не сказал ни слова, – обиженно возразил я, потирая шишку на том месте, куда пришлось его увесистое кольцо с печаткой. – Ни единого слова. Только проявил вежливость к хозяйке.

Волшебник снова занес руку, но я ловко увернулся.

– Оставь свою вежливость при себе, – рявкнул он. – И ни с кем не болтай, понял?

– Ладно, ладно. Обед хоть вернете?

Не вернул. Сказал, мы пообедаем позже. Еще целый час я дулся. Вперил взгляд в седло и не обращал внимания на проплывавшие мимо пейзажи – что я, луковых грядок не видел? Наконец мы добрались до поля, где убирали урожай. Сладковатый пряный запах разбудил мне желудок. Я выпрямился, осмотрелся и окликнул волшебника:

– Эй! Есть хочу.

Он меня словно не услышал, но я все равно решил: хватит дуться. Обед от этого не приблизится, да к тому же ссутуленная над седлом шея уже начала побаливать. Я достал из кармана апельсин и стал чистить, бросая корки на дорогу. Первое время за городом я чувствовал себя как букашка посреди скатерти. Теперь же мир стал смыкаться на более уютный манер. Дорога то медленно карабкалась в гору, то спускалась в распадок. Мы постепенно поднимались на холмы, за которыми нас терпеливо поджидали горы. Поля становились меньше, их обрамляли оливковые деревья, способные расти там, где никакого другого урожая не соберешь. Разрозненные рощицы смыкались все теснее, пока не слились в единый лес, мерцавший серебристо-серой листвой. Интересно, как крестьяне различают, где кончаются их владения и начинаются чужие.

* * *

Софос, ехавший слева от меня, спросил:

– Там и правда было не так уж плохо?

– Где?

– В тюрьме.

Я вспомнил, о чем говорил трактирщице, долго внимательно всматривался в Софоса, с удобством восседавшего верхом на своей породистой кобыле.

– Хуже некуда, – с прочувствованной искренностью ответил я. – Ничего ужаснее, чем та тюрьма, не случилось со мной за всю мою жизнь.

В его взгляде читалось: по его мнению, со мной всю жизнь только и случались происшествия одно другого ужаснее.

Он что-то хмыкнул и, слегка прищипорив лошадь, выдвинулся вперед, подальше от меня.

Поль по-прежнему держался рядом со мной. Я украдкой покосился на него через плечо и наткнулся на каменный взгляд. Съел апельсин и стал прислушиваться к разговору волшебника с Софосом и Амбиадесом. Он их о чем-то расспрашивал. Велел Софосу рассказать о характерных признаках эвкалиптовых деревьев. Софос долго рассуждал о том, о сем, вспоминал, плодоносят они или нет. Я почти ничего не уловил из его рассказа, но, видимо, он отвечал правильно, потому что волшебник сообщил, что доволен. Амбиадес с оливковыми деревьями показал себя гораздо хуже, и волшебник остался недоволен. Амбиадес на лошади слегка отстранился от волшебника, и я понял, что тычки по голове увесистой печаткой были здесь делом обычным. Волшебник потребовал правильный ответ у Софоса, и тот его дал, явно стыдясь за старшего приятеля.

– Видишь, Амбиадес? Софос слушал меня гораздо внимательнее. Не хочешь ли высказать догадку, почему видеописание такого рода имеет большое значение?

– Что-то не хочется, – отозвался Амбиадес.

– Все равно попробуй.

– Наверное, для того чтобы знать, где какие деревья сажать.

– Продолжай.

Но Амбиадес больше ничего не смог придумать.

Софос постарался прийти ему на помощь:

– Если увидишь новое дерево и оно будет точь-в-точь похоже на оливу, то сразу поймешь, можно ли есть плоды с него.

– Если оно выглядит точь-в-точь как оливковое дерево, значит, это и есть олива, – огрызнулся Амбиадес. Я привстал на одном стремени и подался вперед, насколько мог. Хотелось посмотреть, залетит ли краской Софос. Так и есть. Покраснел.

– При этом, – указал волшебник, – если ты, Амбиадес, не можешь подробно описать оливковое дерево, то, увидев его, можешь и не узнать. Так?

Я привстал на другом стремени. Теперь покраснел Амбиадес. Да еще и насупился.

– Теперь проделаем то же самое со смоковницами, – продолжил волшебник.

Амбиадес стал наугад блуждать и по этому видеописанию, и я потерял интерес. Усталость одолевала, я съел второй апельсин.

До Эвизы оставалось еще далеко, а я уже выбился из сил. Без конца ныл, говорил, что больше не могу, но никто меня словно не слышал. А еще я проголодался. Сказал волшебнику, что, если мне не дадут поесть, я умру от голода прямо в седле, и он наконец с неохотой развязал выданный мне узелок. Но потребовал, чтобы я разделил его поровну с Амбиадесом и Софосом, не вникая моим заявлениям о том, что они не успели проголодаться столь же сильно, как я.

Амбиадес благородно отдал мне часть своей порции, но сделал это так, что я невольно ошетинился.

Мы пришли в Эвизу ближе к вечеру. Волшебник ворчал, что мы движемся медленнее, чем следовало бы. Он не учел моего виртуозного умения обращаться с лошадьми.

В Эвизе постоялого двора не было, зато была женщина, которая готовила еду для путников, накрывая столы под деревьями на городской площади. Взглянув на снесь – сморщенные маслины и засохший сыр, – Амбиадес и Софос дружно вздрогнули от ужаса, но хлеб оказался мягким и вкусным. В йогурте было столько чеснока, что хватило бы распугать всех вампиров в округе. Но я в конце концов съел почти все, что дали. Когда живешь в нижнем городе Сауниса, трудно стать привередой, а в королевской тюрьме так и вообще невозможно.

– Я же говорил, что они не голодные, – напомнил я волшебнику. – А вы все равно не разрешили мне съесть все мясные пироги.

При этих словах он вырвал у меня из рук миску с пожухшими маслинами:

– Живот заболит.

Я в последний миг выхватил из миски еще несколько маслин, но с остальными расстался без сожаления. Он прав. Если бы я попытался запихнуть в живот еще хоть немного, меня бы вывернуло наизнанку. Я проковылял от стола к клочку травы, улегся и уснул. И, кажется, прошло всего лишь несколько минут, а Поль уже разбудил меня, ткнув ногой под ребра.

– Вставай.

– Сгинь.

– Я тебя сам подниму, – пригрозил он.

– А я не хочу подниматься. Хочу, чтоб ты сгинул.

Он меня все-таки разбудил. Окончательно проснувшись, я пожелал ему, чтобы к нему в постель залезла какая-нибудь ядовитая тварь и цапнула. Я вскарабкался на один из столов и выразительно посмотрел на Амбиадеса, стоявшего с лошадьми.

– Подведи мою сюда, – велел я. – Не поташу же я к ней стол.

Но Амбиадес не намеревался делать ни шагу по приказу какого-то дерзкого никчемного преступника. Он, как я понял, был из тех, кто всегда выстраивает людей на иерархической лестнице, и упорно давал мне понять, что мое место – на самой нижней ступеньке. Но ему полагалось обращаться со мной вежливо, несмотря на мое подчиненное положение, а мне полагалось быть ему за это благодарным.

Я же, в свою очередь, давал понять Амбиадесу, что на моей собственной иерархической лестнице я ни с кем не соседствую. И хоть я и склоняюсь перед превосходящими силами в лице волшебника и Поля, но перед ним склоняться не собираюсь. Ни я, ни он не сдвинулись с места.

Поль с волшебником внимательно осматривали лошадиные ноги, и мы с Амбиадесом остались выяснять отношения с глазу на глаз. Амбиадес вольно или невольно поставил перед собой трудновыполнимую задачу. Он был, конечно, крупнее меня, но не мог не сознавать, что, если он попытается силой усадить меня в седло, я затею жестокую драку, в которой он вряд ли сохранит лицо. Его спас Софос – он взял лошадь под уздцы и подвел к столу.

Амбиадес взирал на эту сцену с презрением. Видимо, он даже не сообразил, что Софос в эту минуту спас его честь и достоинство.

– Почему вы не прихватили повозку? – ворчливо спросил я у волшебника, когда мы тронулись в путь.

– Чего-чего?

– Повозку. Ну, знаете, такой большой деревянный ящик на колесах, его тянут лошади.

– А с какой стати я должен был ее брать? – насмешливо спросил волшебник.

– Чтобы я в ней спал.

– Я планировал эту поездку без мыслей о твоём комфорте, – угрюмо ответил он.

– Да уж, что верно, то верно.

* * *

Еще битый час лошади неторопливым шагом двигались вверх среди холмов. Когда солнце стало клониться к закату, волшебнику внезапно это надоело, и он спросил меня, удержусь ли я верхом, если лошадь пойдет рысью.

– Наверное, нет, – честно ответил я. От усталости у меня уже не было сил на оптимизм.

– Рано или поздно придется научиться. Мы не можем всю дорогу плестись шагом. Амбиадес! – крикнул он. – Иди сюда, покажи ему, как ехать рысью.

Амбиадес, обогнавший нас уже на несколько сотен ярдов, развернулся и потрусил обратно.

– Хорошая посадка. – Поль вдруг очутился рядом, и меня слегка удивило, что он заговорил первый, когда к нему не обращались. Волшебник передал его комплимент Амбиадесу, но тот лишь насупился. Кажется, похвалы сердили его не меньше, чем упреки.

– Теперь ты, Софос, – скомандовал волшебник, и тот повиновался. Даже я видел, что всадник из него куда хуже, чем из Амбиадеса. Я оглянулся на Поля: каково его мнение? Он лишь поморщился.

Волшебник грустно вздохнул:

– Жаль, что нельзя отослать Амбиадеса домой, чтобы стал герцогом, а Софоса оставить у меня в учениках.

– Он должен стать герцогом? – удивился я. Нечасто доводится видеть будущих герцогов у кого-то в ученичестве. Ответа я не ожидал, но тем не менее Амбиадес снизошел:

– Если родной отец его прежде не придушит.

* * *

Преподаанный мне урок верховой езды распространился и на Софоса. Мы втроем отстали, а Амбиадес с волшебником ехали впереди.

– Поль считает, ты сидишь в седле, как мешок с камнями, – сказал Амбиадес на прощание Софосу. Тот покраснел, а Поль велел Амбиадесу проваливать. Чуть позже до меня донеслись обрывки лекции о видеоописании растений и его важности. Я старался прислушиваться и к волшебнику, и к инструкциям по верховой езде, но в конце концов сдался и стал слушать только Поля.

Он объяснял, что конское плечо поднимается не одновременно с копытом, а тогда, когда копыто идет вниз.

– А теперь, – приказал он, – вытяните руки вот так. – Он развел ладони, словно благословляя окрестные поля. Софос так и сделал, и тогда Поль сильно ударил его по ладони кулаком. Поль велел вытянуть руки опять. Софос послушался, но, когда Поль замахнулся опять, быстро отдернул ладонь, и второй удар пришелся вскользь. Простейший урок, какой преподавал мне отец много лет назад. Если ждешь, что тебя ударят, хотя бы попытайся отстраниться. Чтобы я усвоил урок, отец бил мечом, держа его плашмя.

Поль объяснил Софосу, а заодно и мне, что, если приподниматься в тот миг, когда конское плечо идет вверх, оно не ударит по заду так больно, и ехать станет намного удобнее. Мы попытались проехать рысью, привставая ровно в тот миг, когда лошадь поднимала плечо, и скорость нашего продвижения заметно увеличилась. Очень скоро у меня иссякли силы, я уже не мог привставать в седле вовремя, и до конца дня мозги взбалтывались у меня в голове, как разбитое яйцо.

Время от времени мы пускали лошадей шагом, чтобы дать отдых и им, и мне, но все равно к ночи я был полуживой от усталости и почти ничего не разглядел в городке, где мы

остановились. Там был постоялый двор. Мы вошли, я набросился на еду и, даже не успев насытиться, уснул прямо за столом.

Проснулся я опять на полу, рядом с кроватью Поля, но на сей раз Софос и Амбиадес были в этой же комнате, спали на одной кровати по другую сторону от меня. Мне представилось, как несолидно я выглядел, когда меня второй раз подряд тащили наверх на руках. Позор, да и только.

Поль проснулся, едва звякнула моя цепь. Интересно, мог ли я проспать всю ночь, ни разу не шелохнувшись. Очень может быть. Или он то и дело просыпался и проверял, на месте ли я. Увидев, что я проснулся, он скинул ноги с кровати и бесцеремонно отодвинул меня.

– Эй, поднимайтесь, – рыкнул он на двоих в кровати.

Амбиадес выпутался из простыней и сполз с постели. Зевая, пошлепал к стулу, на котором лежала вся одежда. Я, оказывается, спал не раздеваясь. Софос не шелохнулся. Я сел и заглянул через край кровати. Его веки были будто склеенные.

– Слышь? – шепнул ему Амбиадес, но было поздно. Поль протянул руку у меня над головой и растолкал его столь же энергично, как накануне будил меня после обеда. Но Софос, по крайней мере, приземлился на мягкую постель. Когда все проснулись, мы побрели сначала в уборную, потом мыться у водокачки. Солнце только всходило над холмами, небо сияло голубизной, но в низине, где стоял городок, еще царил тьма. Вода была холодная, но жаловался на это один я. Предупредил Поля: пусть только попробует опять меня умыть. Я буду кусаться.

– А ведь он может быть ядовит, – предостерег Амбиадес. Тон, которым он подтрунивал надо мной, был чуть-чуть более снисходительным, чем в издевках над Софосом.

Поль, не говоря ни слова, вручил мне мочалку, и под его присмотром я долго оттирал остатки тюремной грязи с локтей, колен и затылка. Мыло из личных запасов волшебника пахло жимолостью.

В таверне нас уже ждал завтрак – овсянка и йогурт. На сей раз никаких апельсинов.

– Что там за грохот был у вас спозаранку? – поинтересовался волшебник у Поля. Но глядел почему-то на меня.

– Вот этот с кровати свалился. – Поль ткнул ложкой в сторону Софоса. – Пушкой не разбудишь. Когда-нибудь проснется оттого, что его проткнут копьем.

Софос покраснел.

– Чуткий сон – необходимое качество для солдата, – указал ему волшебник. – Да и для всех остальных желательно.

– И кто тут собирается на военную службу? – буркнул Софос с набитым ртом.

– Уж точно не я, – подал я голос. Все с удивлением обернулись ко мне, словно забыли, что я умею говорить.

– А тебя кто спрашивал? – фыркнул Амбиадес.

– Он. – Я ткнул ложкой в Софоса. – А что это у тебя на губах? Молоко не обсохло?

Он непроизвольно вскинул руку, потом опустил.

– Да что понимают в военной службе уличные бродяги?

– Откуда мне знать? Я не уличный бродяга. Но мой отец был солдатом, и это кровавое, неблагодарное, бесполезное ремесло, пригодное только для тех, кому не хватает ума или сноровки найти работу получше. – И хотя со временем мы с отцом стали относиться друг к другу чуть-чуть уважительнее, я все равно не слишком высоко ставил избранное им занятие, но, возможно, не стоило об этом вот так прямо заявлять. Иногда сам удивляюсь собственной тактичности.

За столом наступила полнейшая тишина. Все взгляды устремились на Поля – интересно, как он ответит на это оскорбление его рассудка и манер. Он остался невозмутим, но немного позже волшебник высказал мне, что не следует вмешиваться в беседы, не имеющие ко мне никакого отношения, и потребовал держать рот на замке, если непосредственно ко мне не

обращаются. Я сразу припомнил, что для этой компании я всего лишь полезный инструмент и уж никак не человеческое существо.

Я доедал завтрак в полном молчании. Волшебник встал и сказал:

– Пора готовить лошадей.

Но я сидел и глядел в пустую миску из-под овсянки, пока он не отвесил мне подзатыльник.

– Что? – встрепенулся я. – Разве вы обращались непосредственно ко мне? Я думал, мне не следует вмешиваться...

– У меня во выючной сумке упакован хлыст, – сообщил он. – Хочешь, испробую на тебе? –

Он склонился надо мной и говорил очень тихо. Не знаю, слышал ли его кто-нибудь еще, но я прекрасно понял намек. Перекинул ногу через скамейку и встал.

– Ведите.

* * *

Перед выездом к нашему багажу было добавлено еще несколько тюков. Поль с волшебником тщательно укладывали и перекладывали выюки, чтобы лошади были нагружены равномерно. Мы с Софосом и Амбиадесом стояли и смотрели. Я задумался о Поле. Он не походил на простого пехотинца. Софос и даже Амбиадес относились к нему с большим почтением. Волшебник явно любил и уважал его, не сомневался, что тот донесет до моего сознания адресованные мне приказы. Вероятно, именно Поль пустит в дело хлыст, если я перейду все границы.

Когда мы выехали из городка, стало ясно, почему волшебник не взял повозку. За этим мелким безымянным городишкой дорога заканчивалась. Во всяком случае, дальше не было никакого намека на дорогу в том смысле, какой вкладывает в это понятие человек цивилизованный, привыкший к городским улицам. Проселок, по которому мы следовали от Эвизы, был тщательно ухожен, срединная травяная полоска и обочины коротко ошипаны козами из окрестных деревушек. Выехав из города, мы сначала пересекли наезженную дорогу покрупнее – она шла в глубь страны вдоль подножия холмов. По ту сторону дороги наш проселок не обрывался, но канавы от колес стали глубже, а трава между ними доходила лошадям до колен.

Мы миновали несколько ферм, и проселок наш сузился еще сильнее, превратившись в еле заметную тропинку, заросшую травой. По бокам высились корявые дубы, иногда они подступали так близко, что колючие листья цеплялись за ткань моих штанов.

Местами тропинка круто карабкалась вверх. Лошадям приходилось нелегко. Они вереницей поднимались на холмы под неумолчный перестук мелких камушков. Я как можно крепче сжал коленями лошадиные бока и на каждом подъеме думал: только бы не соскользнуть через заднюю луку седла. Руками я тоже цеплялся изо всех сил, но они были не сильнее ног и к середине утра дрожали от напряжения.

– Эй, мы разве не остановимся пообедать?

Волшебник неприязненно покосился на меня, но, когда мы выехали на очередную поляну, направил свою лошадь в траву, и моя покорно поплелась следом. Я уговаривал ее пойти в тень, но упрямая скотина остановилась возле лошади волшебника и отказалась сделать еще хоть шаг.

– Почему эта чертова кобыла не идет куда мне нужно? – в сердцах спросил я.

– А ты перестань так судорожно дергать за поводья, – посоветовал волшебник. – Никуда она не денется.

– Это я уже и сам понял. – Я соскользнул наземь. – Небось ваша лошадка нравится ей куда больше, чем вы мне.

Софос услышал мои слова и расхохотался.

– Это выючная лошадь, – объяснил он. – Она приучена останавливаться рядом с вожаком.

– Правда? – Я с удивлением посмотрел на свою лошадку. – Они что, такие умные?

– Да уж поумнее тебя, – вырос возле нас Амбиадес.

– Что-то я не слышал, чтобы лошадь могла украсть королевскую печать, – самодовольно ухмыльнулся я.

– Вот и я о том же, – подтвердил Амбиадес.

– Типун тебе на язык. – Я побрел туда, где Поль выкладывал еду из вьюка. Поймал на себе удивленный взгляд Софоса. – Чего тебе? – буркнул я.

За него ответил Амбиадес:

– Парню не верится, что у тебя в самом деле хватило ума сначала на спор украсть королевскую печать, а потом хвастаться этим в трактирах направо и налево.

Да, в этом был профессиональный риск, но какой смысл им объяснять? Я повернулся спиной к обоим.

На обед опять были хлеб, маслины и сыр. Я попросил добавки, но волшебник отказал:

– Я не уверен, что на пути к горам мы сумеем достать еще еды.

Я посмотрел на поклажу, навьюченную на лошадей.

– Маловато вы захватили.

– Сегодня вечером постараемся раздобыть еще немного. С голоду не помрешь.

– Не помру, это верно, – ответил я. – Вы ведь можете отдать мне часть порции Амбиадеса.

Волшебник метнул на меня сердитый взгляд.

– Ты получишь свою порцию и ни крошки больше. Я никого не оставлю голодным ради тебя.

– А почему бы и нет? – Я прилег на землю вздремнуть. Под летним солнцем трава пересохла, жесткие стебли кололи руки и шею. – Я же тут гораздо важнее всех остальных, – добавил я, обращаясь к голубому небу в вышине.

Никто не ответил, и через несколько минут я крепко уснул.

Глава четвертая

Мы остановились на привал ранним вечером. Раньше, чем планировал волшебник. Он ворчал, но, увидев, как на крутом подъеме я чуть не съехал назад через лошадиный круп, согласился поискать место для ночлега. Как только подходящая поляна обнаружилась, я спешился и рухнул в колючую траву. Лежал там, пока волшебник командовал разгрузкой лошадей, и слушал, как Амбиадес бережно и снисходительно обучает Софоса искусству разведения походного костра. Я обернулся и стал смотреть.

– Ты что, никогда не ночевал под открытым небом на охоте? – спросил Амбиадес, глядя, как его товарищ беспомощно складывает хворост в бесформенную грудку.

Софос смущенно взглянул на Поля.

– В одиночку – никогда.

– Тогда слушай, ваше высочество, – вздохнул Амбиадес. – Если плотно сложить все дрова друг на друга, они не загорятся. Огонь задохнется. Представь, каково бы тебе было, если навалить на тебя все эти деревяшки. Смотри. – Он разворошил грудку и выстроил из палок остроконечный шалаш. В его движениях сквозило мастерство, достигнутое долгой практикой. – Постройшь дом – и огонь будет в нем жить. Постройшь гробницу – огонь умрет. Понятно?

– Да, – смиренно отозвался Софос и шагнул в сторону, подпуская к костру Поля. Тот занялся стряпней. Я не шелохнулся, пока ужин не был готов. Тогда Амбиадес подошел и ткнул меня сапогом.

– Волшебник велел – вставай и поешь, о жалкий уличный бродяга.

– Слышу, слышу. – Я перевернулся и встал на ноги. – Скажи мне, о светоч премудрости, – бросил я через плечо, – ты уже усвоил разницу между смоковницей и оливой?

Он побагровел, и я удовлетворенно принялся за еду.

После ужина – надо сказать, весьма скудного – волшебник указал на скатанное в рулон одеяло и сообщил, что это мне. Солнце стояло еще довольно высоко. Оно опустится за горизонт лишь через несколько часов, но я все равно раскатал постель и улегся. В рулоне лежал тяжелый плащ. Я провел рукой по тонкой шерсти. Снаружи плащ был синий, как у волшебника, изнутри подбит тканью кремово-золотистого цвета, словно ячменное поле перед уборкой урожая. Вышивки не было, но работа аккуратная. Когда дневная жара спадет, он будет очень кстати. Уголкем глаза я заметил, что волшебник смотрит, как я ощупываю шерсть. Интересно, на кого я похож? На портного, оценивающего стоимость? Или на уличного бродягу, протянувшего руки куда не следует? Я повернулся к нему спиной – пусть думает что хочет.

Они вчетвером еще долго сидели у костра. Волшебник оставил в покое видеописание растений и стал допрашивать учеников по истории. Под эти разговоры я и уснул.

* * *

Наутро, еще до полудня, мы пришли к обветшалому крестьянскому домику, притулившемуся у конца тропы. Побелка сильно потускнела, штукатурка отваливалась кусками, обнажая бугристые каменные стены. Двор зарос бурьяном. При нашем появлении из дверей вышел какой-то человек.

– Я ждал вас еще вчера ночью, – сказал он.

Волшебник покосился на меня.

– Шли медленней, чем рассчитывали. – И спросил: – Провизию достали?

– Все готово, – кивнул хозяин. – В амбаре корм для лошадей, на две недели хватит. А если не вернетесь этой дорогой, я их отведу в город.

– Хорошо, – сказал волшебник. Открыл седельную сумку, приподнялся на цыпочки и заглянул внутрь. Достал оттуда ножные кандалы, которыми меня приковывали в таверне, потом отослал Амбиадеса и Софоса устраивать лошадей. А мы с Полем прошли вслед за ним в дом. Через пустую гостиную попали в заднюю комнату с окнами по трем стенам. Там стояло несколько узких кроватей.

– Сегодня все равно уже поздно отправляться в горы, – сказал волшебник. – Заночуем здесь и тронемся в путь завтра утром. Можешь отдыхать сколько твоей душе угодно. – Он усадил меня на одну из кроватей и застегнул браслет на щиколотке. Проверил пальцами, не слишком ли тесно. – Забыл захватить что-нибудь на подкладку, – сказал он. – Поживешь так, пока ребята не принесут седельные сумки. – Он обмотал цепь вокруг рамы кровати и проверил, не соскользнет ли браслет через пятку. Потом ушел вместе с Полем. Я сдвинул браслет в более удобное место. Интересно, пройдет ли когда-нибудь борозда, оставшаяся на щиколотке?

В комнате было прохладно, ни одно из окон не выходило на юг, и, когда волшебник вернулся, чтобы замотать мне щиколотку рубахой Поля, я уже крепко спал. Продремал я весь день. Иногда садился, выглядывал в окно над кроватью, за которым сияло жаркое солнце. Как-то раз я увидел, как Поль учит Амбиадеса и Софоса фехтовать на деревянных мечах, но, может, мне это приснилось; при следующем пробуждении их уже не было.

После обеда я лежал и прислушивался к голосам в соседней комнате. Небо потемнело, загорелись звезды. Я снова уснул еще до восхода луны и не шелохнулся, пока Софос не сказал, что завтрак готов. На столе стояла полная до краев миска овсянки, другая миска – с йогуртом, лежали хлеб, сыр, маслины и несколько апельсинов – мелких, твердых, такие трудно чистятся, но сочные и сладкие.

– Угощайся, – сказал волшебник, глядя, с каким удовольствием я уписываю завтрак. – Не скоро доведется поесть столь же хорошо.

Я ел сколько мог и ни на что не жаловался. Когда волшебник попросил не жевать с открытым ртом, как я старательно делал с нашей первой трапезы, я покорился с видимым усилием. Поль занялся моими руками, снял запачкавшиеся бинты, прочистил пузыри, натер лечебной мазью. Я не пытался вырваться и ругался ровно лишь столько, чтобы он понял, что я мог бы пошуметь сильнее, но сдерживаюсь. Ссадины уже стали гораздо лучше, и, когда он решил оставить их на денек открытыми, чтобы подсохли на воздухе, я согласился, хотя видел, что моего согласия никто не спрашивает.

Мне еще повезло, что в тюрьме я не подцепил никакую болезнь. Иначе мне бы не удалось так хорошо восстановить силы после всего трех дней хорошей еды и свежего воздуха. Пока волшебник распределял поклажу по заплечным мешкам, которые предстояло нести всем, кроме меня, я разминал мышцы: наклонялся вперед, касаясь носков, выгибался назад, опираясь на руки, – словом, проверял, вернулись ли ко мне силы после целого дня отдыха, и задавался вопросом, сколько еще осталось прохладиться, прежде чем волшебник велит взяться за работу. Потом сел на каменный порог и стал ждать, пока остальные навьючат на себя поклажу.

Впереди горы начинались уже всерьез. Над подножиями стремительно вырастали крутые склоны, испещренные упрямым кустарником, сумевшим найти хоть какую-то опору на откосах, усыпанных сланцевым щебнем. То тут, то там, словно костлявые коленки и локти, торчали выходы твердого известняка и мрамора. Каждому было ясно, что россыпи камней на вершинах крутых склонов делают эти горы практически неприступными. Они представляли идеальную защиту для Эддиса – страны, спрятанной в долинах по ту сторону вершин. Хребты пересекались ущельями, прорезанными водой. Среди горных склонов скрывались каменоломни, но я понятия не имел, где их искать, потому что не знал толком, где нахожусь я сам. Где-то во внутренних районах по эту сторону Сеперкии – вот и все, в чем я был уверен.

Волшебник окликнул меня. Я встал с каменного порога и пошел за ним. Он повел нас вверх к узкой расщелине, рассекавшей горный склон. Тропа, по которой накануне едва могла

пройти лошадь, еще сильнее сузилась, и теперь по ней едва мог пройти человек. К тому же она стала еле заметна. Мы шли вдоль старого русла, вероятно, пересыхавшего на большую часть года. За те короткие месяцы, когда его наполняли зимние дожди, ручей успел прорезать себе путь не только сквозь глину и сланец, но и – это было труднее, но столь же неотвратимо – сквозь мрамор и гранит. Там, где текла вода, выросли оливы. По обе стороны от нас высились отвесные каменные склоны, кое-где достигавшие сотен футов в высоту. То тут, то там лохматыми подушками торчал колючий мох, оставлявший на коже сухие царапины.

Временами тропа упиралась в невысокий обрыв, где в дождливый сезон, должно быть, низвергался водопад. Тогда волшебник искал по обе стороны ручья выступающие камни, на которые можно опереться ногами, и всегда находил. Нам не попадалось никаких непреодолимых препятствий, хотя случалось перелезть через упавшие деревья или карабкаться на одних пальцах. Я радовался, что сумел сохранить свои башмаки на мягкой подошве.

Мы устроили привал еще до того, как я выбился из сил, но все равно я был рад отдохнуть. Ясно, что волшебник собирался вести нас вверх по ручью, пока рано или поздно мы не покинем Саунис и не попадем в горную страну Эддис. Может, уже и попали. Я не решался спросить, но, к счастью, вместо меня это сделал Амбиадес.

– Где мы находимся?

– В Эддисе. С прошлого крутого подъема.

– Что нам тут нужно?

Я вскинул брови. Ну и ну! Выходит, волшебник не рассказал своим ученикам, куда мы направляемся. Но уж Полю-то, наверное, сообщил?

Волшебник обернулся к Софосу и задал вопрос:

– Что ты усвоил об Эддисе из рассказов своего учителя?

И за обедом Софос стал пересказывать нам все, что знает. В Эддисе правят королева и кабинет из одиннадцати министров, включая премьер-министра. Главные статьи экспорта – древесина и серебро, добываемое в шахтах. Почти все зерно, маслины и вино ввозятся из-за границы. Узкая по форме страна тянется вдоль горных хребтов на юг и юго-восток от Сауниса.

Это звучало как глава из учебника «Наши соседи» или чего-то еще столь же бесхитростного.

Когда Софос умолк, волшебник повернулся к старшему ученику:

– Расскажи, какие факты об Эддисе ты считаешь самыми важными.

Амбиадес показал себя во всем блеске. Мне даже подумалось, что у него есть склонность к учебе, хотя, кажется, он почему-то считает, что быть учеником – ниже его достоинства. Возможно, его бесит, что Софос – сын герцога, а он нет.

– Эддис контролирует единственный удобный перевал в горах между Саунисом и Аттолией, двумя богатейшими торговыми странами в этой части света. На всем побережье только здесь сохранилась лесная промышленность. Все наши леса давно вырублены. В горах мало природных ресурсов, и благосостояние страны почти полностью достигнуто за счет чужой торговли. Эддис облагает данью караваны, идущие через горы, и продает лес в Аттолию и Саунис, где из него строят торговые суда. Поскольку страна зависит от торговли, она всегда сохраняет нейтралитет и старается поддерживать мир между Аттолией и Саунисом. Изгнав захватчиков, мы могли бы вторгнуться в Аттолию, но эддисийцы не допустили этого.

– Очень хорошо, – похвалил волшебник. Потом обернулся к Софосу и спросил, знает ли он об этом инциденте.

– Это когда они уничтожили мост через Сеперкию? – наугад спросил Софос.

– Да, – подтвердил волшебник. – Он был перекинут через ущелье, а единственный путь, по которому войско может перебраться через перевал в Аттолию, пересекает это ущелье.

– Они трусы! Понимают, что в горах до них никто не доберется, – высокомерно заявил Амбиадес. Он уверенно высказывал точку зрения, которую разделяли почти все жители Сауниса.

– С какой стати они будут пропускать Саунис через свою территорию, если война повредит торговле? – встрял я, забыв, что могу получить взбучку за вмешательство в разговор сильных мира сего.

Даже Софос знал ответ:

– Потому что аттолийцы солгали. Когда нагрянули захватчики, Эддис разрешил аттолийцам провести войско через перевал, потому что они обещали сражаться на нашей стороне. Но на самом деле их армия помогла захватчикам одолеть нас при осаде Солониса.

– И после стольких лет Саунис все еще мечтает об отмщении? – По-моему, несколько столетий – слишком долгий срок, чтобы лелеять обиду.

– Знаешь, Ген, обычно людям неприятно терять свободу, – сухо произнес волшебник. Смысл его слов не дошел до Софоса, но Амбиадес расхохотался.

– Да, – ответил я, – но ведь Эддис никогда не был покорен? Насколько я знаю, захватчикам так и не удалось его завоевать?

– Верно, – сказал волшебник. – В конце концов захватчики покорили и Аттолию, и Саунис, но власть в Эддесе никогда не переходила в чужие руки под давлением внешних сил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.